

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3071](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071)

А. Ю. Антоновский, Н. Н. Погожина

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ:
ОТ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
ДО СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ**

Правильная ссылка на статью:

Антоновский А. Ю., Погожина Н. Н. Исследование общественной функции науки: от внутренних и внешних условий институционального существования до системы коммуникации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 208—230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071>.

For citation:

Antonovsky A. Y., Pogozhina N. N. (2026) The Research Into the Social Function of Science: From Internal and External Conditions of Institutional Existence to the Communication System. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 208–230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071>. (In Russ.)

Получено: 27.07.2025. Принято к публикации: 09.12.2025.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ: ОТ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДО СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

ПОГОЖИНА Наталья Николаевна — младший научный сотрудник философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: pogozhinann@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5529-817X>

Аннотация. В статье обосновываются сложность и комплексность понятия науки в поздней современности (late modernity), которые приводят к необходимости расширения горизонтов исследования науки — ориентации не только на предметное и временное, но и социальное измерение научной коммуникации. Авторы реконструируют основные этапы социального исследования науки и научного знания, которые способствовали оформлению ключевой проблематики и методологического аппарата системно-коммуникативной теории в приложении к анализу подсистемы науки: для первичной постановки проблемы условий существования научной коммуникации в виде специфического характера научных утверждений, ориентированных на истину и одновременно с этим ограниченных темпоральным горизонтом, авторы привлекают идеи Макса Вебера; дальнейшее развитие принцип свободы от оценочных суждений получает в концепции «этоса науки» у Роберта Мертона в рамках развития слабой про-

THE RESEARCH INTO THE SOCIAL FUNCTION OF SCIENCE: FROM INTERNAL AND EXTERNAL CONDITIONS OF INSTITUTIONAL EXISTENCE TO THE COMMUNICATION SYSTEM

Alexander Yu. ANTONOVSKY¹ — Dr. Sci (Philos.), Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

Natalya N. POGOZHINA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: pogozhinann@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5529-817X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article highlights the complexity and comprehensiveness of the concept of science in late modernity, emphasizing the need to broaden the scope of scientific research — not only in terms of subject matter and temporal aspects but also in terms of the social dimension of scientific communication. The authors trace the key stages of social research on science and scientific knowledge, which contributed to the development of core issues and methodological frameworks within system and communication theory as applied to the analysis of the science subsystem. For the initial framing of the problem of scientific communication — particularly the conditions under which scientific statements operate, oriented toward truth yet constrained by temporal horizons — the authors draw upon Max Weber's ideas. The principle of value neutrality is further explored in Robert Merton's concept of the ethos of science within the weak program of the sociology of knowledge. The critique proposed by the strong program (David Bloor) is also discussed. Next, the authors ex-

граммы социологии знания; приводится критика, предложенная сильной программой (Дэвид Блур). Далее анализируются взгляды Никласа Лумана на подсистему науки и феномен истины как значения уникального коммуникативного кода науки. Архитектура системно-коммуникативной теории, ее методологические ресурсы, по мысли авторов, позволяют масштабировать рассмотрение науки как части системы общественной коммуникации, а значит, сравнить науку и другие общественные системы (политику, хозяйство), находя не только различие, но и общее в том, как организована коммуникативная практика. В заключении авторы обращаются к вопросу об эволюционном характере механизмов инклюзии в научную коммуникацию в современности на примере трансформации публикационной активности.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, социология науки и научного знания, теория социальных систем, наука, истина, знание, коммуникация

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Введение

Подходы к исследованию условий выработки научного знания и его специфики, структуры и реализации научной деятельности, взаимодействия науки и других социальных институтов в обществе предлагают многие дисциплины. Отдельные аспекты изучают науковедение, социология, психология, история и экономика науки, теория научной коммуникации. Философия науки, в свою очередь, ориентирована на попытку фиксации наиболее общей перспективы в анализе научного познания как *социокультурного феномена* [Стёпин, 2006: 8]. Таким образом, каждая из представленных областей знания реализует собственную функцию в исследовании науки, согласно тем методологическим рамкам и исследовательскому горизонту, которые заданы дисциплиной. Для психологии науки, к примеру, свой-

amine Niklas Luhmann's perspective on the science subsystem and the concept of truth as the defining communicative code of science. According to the authors, the structure of the system and communication theory and its methodological tools enable a scalable analysis of science as part of the broader system of social communication. This approach allows for comparisons between science and other social systems (e.g., politics, economics), revealing not only differences but also similarities in the organization of communicative practices. In conclusion, the authors explore the evolutionary nature of inclusion mechanisms in scientific communication, illustrating this through the transformation of publication practices.

Keywords: system and communication theory, sociology of science and scientific knowledge, theory of social systems, science, truth, knowledge, communication

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 24-18-00440 "Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical cognition".

ственен интерес к личностным аспектам, тем психологическим механизмам, которые связаны с функционированием научного знания и научной коммуникации. История науки ретроспективно обращается к различным периодам становления и развития научного знания. Социология науки в качестве отраслевой дисциплины исследует широкий пул проблем взаимодействия науки (системы и института) и общества. Науковедение как междисциплинарная область сочетает в себе подходы, связанные с калькуляцией результатов научной деятельности (наукометрические исследования) и оптимизацией сферы управления наукой, и изучает, по определению Э. М. Мирского, «функционирование и развитие науки, структуру и динамику научного знания и научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества» [Философский словарь..., 1991: 355].

Наука представляет собой специфический взгляд на мир, отличающийся от иных способов его понимания и познания. Однако мир осваивают и пытаются по-своему понять разные социальные системы — религия, искусство, социальные движения, литература, массмедиа. Философия признает и эти формы наблюдения мира и понимает науку как один из возможных способов его описания. Но при всей специфичности научного мироописания никто, кроме нее, не способен осуществить *объективное, истинностное, методологически выверенное, проверяемое, рефлексивное и рациональное* познание мира.

Многообразие дисциплинарных оптик, с одной стороны, позволяет детально исследовать отдельные аспекты научной деятельности, но с другой — порождает вопрос о возможности выработки целостного, синтетического понятия науки, которое связало бы воедино ее эпистемологическую специфику (ориентацию на истину) и социальное бытие (функционирование в качестве общественного института). Как возможно получить такое понятие, не редуцируя науку либо к ее внутренней, эпистемологической составляющей, либо к внешним социальным условиям? Данный исследовательский вопрос определяет цель настоящей статьи: проследить эволюцию подходов к осмыслению общественной функции науки и обосновать эвристический потенциал системно-коммуникативной теории в решении этой задачи.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы прослеживаем, как менялось понимание общественной функции науки в ключевых теоретических подходах XX века. Отталкиваясь от классической проблемы демаркации, мы показываем, почему многообразие научных практик требует выхода за рамки сугубо эпистемологического анализа. Рассмотрение концепций М. Вебера, Р. Мертона и «сильной программы» Д. Блура позволяет увидеть, как постепенно вызревала потребность в теоретическом языке, способном одновременно удерживать и когнитивную специфику науки, и ее социальную природу. Таким языком, на наш взгляд, располагает системно-коммуникативная теория Н. Лумана. Возможности этого подхода мы конкретизируем в соответствующих разделах статьи.

К попытке определить понятие «наука»

Чем наука отличается от других способов наблюдения мира, от других форм деятельности и коммуникации? Чем рациональное научное познание отличается от вненаучных типов освоения и описания мира и общества? В философии на-

уки эта проблема известна как проблема демаркации (разграничения) научного и ненаучного познания мира.

В связи с тем, что философское осмысление науки ставит вопросы о сущности научного познания и научного знания, требуется дальнейшее обращение к исследованию научной истины и условий ее достижения. Приходится определяться с понятиями проверки или верификации получаемого знания, его достоверности и процедуры обоснования. Условия получения научной истины характеризуют обобщающим термином — *понятием рационального познания*. Претензия на объективность в рамках научного исследования вполне понятна, но вместе с этим нужно учитывать, что глобальная оценка роли науки не ограничивается определением ее функционала и не может быть осуществлена вне матрицы общественных отношений, исходя исключительно из положений, формирующихся «внутри» науки, взгляда на то, какое именно знание наука может выработать. Более того, само знание (не только научное) также имеет довольно долгую историю рассмотрения с позиции включения в социокультурный контекст (в качестве детерминированного, обусловленного или не вычленяемого из него) [Мамчур, 1987]. Попытка определить внешнюю общественную функцию науки может быть ориентирована на рассмотрение ценностной стороны пользы науки в обществе и трактоваться с позиции определения общественного блага науки [Касавин, 2021]. Мы же ориентируемся на рассмотрение науки как системы общественной коммуникации, что влечет за собой три горизонта исследования — предметное, временное, социальное, в которых интерпретация соотношения пользы и риска, а соответственно позитивной и негативной оценки, могут не совпадать [Антоновский, Бараш, 2023: 214].

Ключевым аспектом внешней научной коммуникации выступает социальное позиционирование науки — *образ науки в обществе* — совокупности представлений о науке, о том, как институциональная структура науки и научное знание воспринимаются внешними акторами, как интерпретируются смысловые ориентиры науки, ее задачи [Огурцов, 1972]. Следовательно, образ науки в обществе как часть общественной функции науки возможно проанализировать, обратившись к исследованию общественного мнения, применяя при этом социологический инструментарий. Представление о науке у общественности складывается под влиянием двух основных факторов: во-первых, это оценка эффективности науки, актуальности научных разработок и текущего состояния отдельных отраслей¹; во-вторых, это бытующие в обществе образы ученых и исследователей, включая стереотипы об их внешнем виде, личностных качествах, возрасте, поле, а также субъективное восприятие престижа профессии и осведомленность о конкретных современных отечественных ученых².

Наука, обладая особой мировоззренческой позицией, уникальной оптикой, использующейся при описании мира, отдельным арсеналом методов, коммуникативной спецификой, одновременно с этим является частью общественной системы. Мы ставим следующий вопрос: как возможно получить полное и внутрен-

¹ См. подробнее: Российская наука сегодня // ВЦИОМ. 2025. 5 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnja> (дата обращения: 01.06.2025).

² См. подробнее: Образ ученого и инженера: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 7 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (дата обращения: 01.06.2025).

не непротиворечивое понятие науки, которое бы свело в единство все остальные перспективы и аспекты понимания науки — социологическое, психологическое, историческое, науковедческое?

Очевидно, что научная деятельность и коммуникация крайне разнообразны. Мы можем отнести сюда сам тип научного мышления, совокупность теоретических исследований, рутинизированные эмпирические процедуры повторяющихся экспериментов, сбор данных, словом, всю лабораторную работу, изложение и демонстрацию полученных результатов в виде текстов, а следовательно, и рецензирование научных публикаций, экспертную оценку проектов, взаимодействие исследователей внутри коллективов и работу научных институций и др. Многообразие научных практик усугубляется сложностью исследовательского поля, требующего дифференциации и иерархизации конкретных дисциплин. Дисциплины кардинально различаются по степени зрелости, строгости используемых понятий, формализованности языка, четкости формулировок и типу фиксируемых научных законов, что существенно затрудняет поиск *обобщающего, синтетического* определения науки. Тем не менее, на наш взгляд, науку можно рассматривать как единый, динамически развивающийся феномен, требующий соответствующего охватывающего определения.

Заметим, запрос на формулирование предельно общего и полного синтетического понятия науки не возникает каждый раз при необходимости обратиться к демаркации научного знания. Практикующие исследователи, ученые, занимающиеся историей и социологией науки, рутинно разграничивают научное и ненаучное знание. Сегодня эта демаркация реализуется, с одной стороны, через формализованный механизм отклонения рукописей научных статей редколлегиями и экспертами научных журналов. С другой стороны, фактическая демаркация осуществляется экспертными коллективами (ВАК, РАН), контролирующими научно-квалификационные работы и научные тематики государственного задания, проекты которых предлагаются научными организациями. Причем ни в том, ни в другом случае эксперты не руководствуются эксплицитно формулируемым понятием научности, а ориентируются на *внутридисциплинарные* критерии актуальности, новизны, фронтальности конкретных научных публикаций и исследовательских тематик.

И все же поиск синтетического определения науки — это вопрос саморефлексии и самоидентификации научного сообщества. Попыток такого рефлексивного самоопределения науки было немало. Одно из решений проблемы *демаркации* научного знания было предложено в логическом позитивизме Венского кружка. В качестве критерия научного познания признавалась осмысленность предложений языка науки в противовес иным — религиозным, метафизическим выражениям, не допускающим их эмпирическую проверку или верификацию. Критический реализм Карла Поппера усматривал подобный критерий научности в способности науки фальсифицировать собственные утверждения, ведь только опровержение, а не подтверждение является логически безупречным способом получения научной истины.

Обратимся к определению науки, сформулированному В. С. Стёпиным: «Наука — особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Социальный

институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности. Как вид познания наука взаимодействует с другими его видами: обыденным, художественным, религиозно-мифологическим, философским. Возникая из потребностей практики и особым способом регулируя ее, наука ставит своей целью выявить сущностные связи (законы), в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. Поскольку в деятельности могут преобразовываться любые объекты — фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания и т. п., — постольку все они могут стать предметами научного исследования» [Энциклопедия эпистемологии..., 2009: 560—561].

Значимо, что это определение включает в себя взгляд на науку как на систему знаний о мире, ориентированную на получение объективного знания, и одновременно с этим — как на общественный институт. Однако в связи с этим можно помыслить следующие вопросы, требующие уточнения, но не отраженные в дефиниции: только ли производство знания является наукой? Будет ли наукой обмен научной информацией и знанием, например, в ходе конференций или в рамках экспертной оценки текста, ведь производство, обмен и восприятие знания отличны друг от друга? Где локализовано производство знания — понимаем ли мы под этим, научную дискуссию, лабораторную рутину, сознание отдельного ученого? Будет ли считаться подходящим под определение науки процесс ее популяризации и диалог с гражданской публикой, то есть выход за пределы профессионального сообщества? Будет ли считаться частью науки институт критики науки? Будет ли являться частью науки то ложное знание, которое в процессе производится научными институтами и учеными? Говоря более общими словами: *как мы можем развести науку и ее каузально значимые (организационные, экзистенциальные, коммуникативные) условия? Если последние находятся вне науки, то не лишаем ли мы науку ее системной самодостаточности?*

Указанное ранее рассмотрение науки как социального института, специфической деятельности, дифференцированной и самостоятельно оформленной системы, требует следующего шага — подбора и использования методологических средств более общей социальной теории (общей теории коммуникации, систем, деятельности и др.), что поможет «вписать» науку в систему общественных отношений, сохранив ее особенности.

Такие попытки — *дать функциональное описание науки как социального института, прояснить уникальную общественную задачу в рамках фундаментальной социальной теории* — осуществлялись неоднократно. Для нашего исследования ключевыми являются те теоретические направления, которые последовательно углубляли понимание автономии науки и ее отношения к обществу. С этой точки зрения можно указать на интерпретацию науки в рамках понимающей социологии Макса Вебера; социально-функционалистское понимание науки Робертом Мертоном; истолкование и критику науки в Критической теории Франкфуртской школы; социально-эпистемологический подход, или сильную программу, в социологии науки и, наконец, системно-коммуникативную теорию науки Никласа Лумана. Мы фокусируемся именно на этих подходах, поскольку, на наш взгляд, они в наибольшей степени повлияли на формирование понятийного аппарата современ-

ной философии и социологии науки и позволяют проследить эволюцию взглядов от анализа внешних условий (М. Вебер, Р. Мертон) к эпистемологической критике (сильная программа) и, в итоге, к системно-коммуникативному синтезу (Н. Луман).

«Свобода от оценки, отнесение к ценностям»: условия и принципы научного познания (Макс Вебер)

Макс Вебер одним из первых поставил вопрос о научном познании как специфически-рациональном взгляде на мир, отличном от других типов его наблюдения — художественного, религиозного, политико-идеологического. Этот процесс описывает Ю. Н. Давыдов, ссылаясь на интерпретацию веберовского подхода Вольфгангом Шлюхтером: «...исчерпала себя религиозная картина мира, и для Запада возникла необходимость в создании новой — уже нерелигиозной, не „постулирующей“ бога — картины мира. Отныне ее предстояло создать науке, сыгравшей в процессе разложения религиозной „картины мира“ ту же роль, какую религия сыграла в деле разложения синкретически нерасчлененного комплекса магических представлений. По мере того как при решающем участии религии создается целиком разволшебствованный, обезбоженный мир, где для религиозности в традиционном смысле не остается уже больше места, кальвинизм и близкие к нему религиозные ориентации все больше и больше заменяет в их расколдовывающей и овеществляющей функции — именно наука, которая, как оказывается, обладает как бы собственным потенциалом разволшебствования» [Гайденко, Давыдов, 1991: 258—259].

Безусловно, в концентрированной форме эта проблема нашла отражение в статье-манифесте «Наука как призвание и профессия». М. Вебер концептуализирует внешние социальные условия науки как профессиональной деятельности и как социального института, обозначает тенденцию профессионализации науки в связи с утверждением североамериканского стандарта оформления системы научной деятельности как капиталистического государственного предприятия. Эта аналогия используется для того, чтобы подробнее описать рутинизированную профессиональную деятельность ученого как работника такого предприятия, причем целью здесь выступает (так же, как и в случае работника) ценность буржуазного успеха. Ученый сталкивается с «отчуждением от средств производства», то есть с зависимостью от материально-технической базы, предоставляемой государством, и с административной иерархией капиталистического толка. Важно отметить следующее соображение: *внешней мотивацией* исследователя в таком случае становится карьерная перспектива и материальное вознаграждение, а не поиск научной истины. Очевидно, что в такой расстановке приоритетов нет места «следованию призванию». И все-таки стоит оговориться, что немецкое слово *Berufung*, используемое М. Вебером, означает и призвание, и профессию, поскольку в немецком словоупотреблении эти слова не различимы, что передает характер протестантской трактовки профессиональной этики — карьерный успех есть следствие призвания работника.

Отслеживая историю развития науки, М. Вебер отмечает, что современная наука проходит новый этап становления, отличный от науки Нового времени, в том числе в смысловом контексте, ведь традиционная мотивация (постижение научной

истины) вторична по отношению к карьерной траектории. Также современная наука обособляется от других мировоззренческих форм. Если раньше ученый представлялся «универсальным» мудрецом, постигающим истину, прекрасное, добродетельное и божественное, и это формировало его миссию, то в современности такая мотивация не может быть нормой на уровне социальной институции науки, а может быть только индивидуальным исключением. Однако наука не потеряла интерес и страсть, они обращены теперь к частным проблемам и отдельным областям, и это связано с еще одним серьезным отличием современной науки — специализацией. М. Вебер пишет: «В настоящее время отношение к научному производству как профессии обусловлено прежде всего тем, что наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде, и что это положение сохранится и впредь. Не только внешне, но и внутренне дело обстоит таким образом, что отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации. <...>. Только благодаря строгой специализации человеку, работающему в науке, может быть, один-единственный раз в жизни дано ощутить во всей полноте, что вот ему удалось нечто такое, что останется надолго. Действительно, завершённая и дельная работа — в настоящее время всегда специальная работа» [Вебер, 1990: 707—708].

Этика протестантизма выражается в страсти к предпринимательской деятельности, но и исследовательская программа в науке так же может быть реализована с деятельностной страстью. Другими словами, наука и коммерческая деятельность в современности близки по природе мотиваций к труду: «Коммерсанту или крупному промышленнику без „коммерческой фантазии“, то есть без выдумки — гениальной выдумки, — лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений. Вдохновение отнюдь не играет в науке, как это представляет себе ученое чванство, большей роли, чем в практической жизни, где действует современный предприниматель» [там же: 710].

М. Вебер отмечает еще один важный аспект оформления современного научного знания — высокий темп изменений и постоянную ориентацию на новое в будущем. Сколь наука становится близка с хозяйствованием и предпринимательством, столь же отдаляется от возможности постулирования ценностных положений. Прежнее устремление науки «открывать» вечно значимые истины в современности не выдерживает гонки за новизной открытия: «Но процесс расколдовывания, происходящий в западной культуре в течение тысячелетий, и вообще „прогресс“, в котором принимает участие и наука — в качестве звена и движущей силы, — имеют ли они смысл, выходящий за пределы чисто практической и технической сферы? <...> Для культурного человека — „нет“. И именно потому „нет“, что жизнь отдельного человека, жизнь цивилизованная, включенная в бесконечный „прогресс“, по ее собственному внутреннему смыслу не может иметь конца, завершения. Ибо тот, кто включен в движение прогресса, всегда оказывается перед лицом дальнейшего прогресса» [там же: 714]. Развитие науки в современности не допускает паузы и ориентировано на постановку новых проблем, а следовательно, в этом динамическом процессе не остается места для вечных ценностных утверждений, таких, которые требуются, например, для объяснения

смысла мира: «Кто сегодня, кроме некоторых „взрослых“ детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может — хоть в малейшей степени — объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого „смысла“, если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как „смысл“ мира! И уж тем более нелепо рассматривать ее, эту особенно чуждую Богу силу, как путь „к Богу“» [там же: 717—718].

Рассуждения М. Вебера, представленные в выборочных цитатах из «Науки как призвания и профессии», демонстрируют, что он где-то явно, где-то латентно, но формулирует ключевую смысловую проблему современной науки — проблему мотивации к научной деятельности с учетом положения современной науки и утраты наукой «мировоззренческих иллюзий», претензии на выделенное место и даже «гносеологического оптимизма» в вопросе познания природных объектов (смысла человеческой жизни, устройства мира) в их полноте. Что может предложить в этом случае наука как сфера деятельности и профессионального влечения? И более того — какие собственные суждения смысла может предложить гуманитарное знание с учетом того, что работа по исследованию различных культурных явлений (социальных, литературных, исторических, художественных) также не предполагает субъективного ответа на вопрос об их ценности и значимости (принцип свободы от оценки)?

И здесь важно обозначить ключевую мысль для нашего дальнейшего анализа, подчиненного идее встроить научное познание (и мотивацию к научной коммуникации) в схему более общей социальной теории: с одной стороны, суждения науки не отвечают на вопросы других мировоззренческих и ценностных позиций и сфер общественной жизни (религии, политической практики, искусства, морали), но, с другой стороны, эти формы осознания мира не должны претендовать на научную истину и вмешиваться в селекцию научных суждений. Таким образом, наука мыслится как обособившаяся социальная система, у которой собственный механизм по отбору суждений в рамках научного исследования — выявление истинных суждений (фактов науки) и отвержения валютивных (ценностных суждений художественного, религиозного, идеологического и иного характера).

Слабая и сильная программы в социологии знания

Вопрос истинности (объективности, доказательности и обоснованности) научных утверждений становится обобщающим признаком и демаркационным критерием науки. Но чтобы у науки как особого выделенного сообщества появилась возможность концентрироваться на этой задаче, требовалось отмежеваться от «внешних ценностей», способных вторгаться и манипулятивно исказить объективный характер научных суждений.

Для этого науке требовалось более четко сформулировать свои собственные установки и ценности, которые позволили бы осуществить демаркацию науки и ненауки в (настоящей и «фальшивой» науки) в системном и институциональном смысле. Эти нормативные установки были кодифицированы Робертом Мертоном и получили название «*научный этос*» (то есть образец, ценностный эталон

профессионального поведения). «Этос науки» конкретизировал и уточнял веберовский принцип «свободы от ценностных (идеологических, политических, художественных, религиозных) суждений». Положения, предложенные Р. Мертоном, носили подчеркнуто гуманистический характер, что было особенно важно в историческом контексте [Мотрошилова, 2010: 50—51], ведь особую актуальность этот вопрос приобрел в 1930—1940-х годах в Германии, где некоторые немецкие ученые и философы состояли на службе у нацистского режима, а ученые-евреи, напротив, изгонялись из науки и философии.

В 1937 г. Р. Мертон прочитал доклад «Наука и социальный порядок» (годом позже он будет опубликован в виде статьи), в котором вслед за М. Вебером обратился к ценностной проблематике научной истины и тем угрозам, с которыми сталкивается наука при ее системной автономии. Далее в работе «Наука и демократическая социальная структура»³ Р. Мертон сформулировал означенные ценностные принципы науки, призванные защитить науку от внешней экспансии со стороны других социальных систем и сообществ [Мертон, 2006: 776—782]. Однако демаркация подлинно научной деятельности теперь проводилась шире и радикальнее, чем у М. Вебера. «Чистая наука» отмежевывалась не только от ценностей, мотивов, установок и стандартов сопредельных ценностных систем (искусства, религии) и политических идеологий, но также и от повреждающих воздействий индивидуальных пристрастий, влияния экономических (монетарных) мотиваций и даже от воздействия внутренних иерархий (научных статусов, должностей и авторитетов). Эти ценности концептуализировались в понятиях *коммунизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма*.

Ценность *коммунизма (communism)* отражает то, что научные знания производятся коллективно, а значит, должны быть доступны всем исследователям без исключения. Ценность *универсализма (universalism)* требует от ученого при вынесении и оценке научных суждений не принимать во внимание личные и социальные качества ученых: этническую, национальную, религиозную принадлежность, социальный статус, индивидуальные особенности характера. Ничто из перечисленного не должно влиять на критику, оценку истинности и достоверности исследований. *Бескорыстие, незаинтересованность (disinterestedness)* указывают на то, что ученого не должен мотивировать экономический интерес. Вспомним, что М. Вебер фиксировал тенденцию превращения научной работы в некую разновидность труда на капиталистическом производстве. Напротив, Р. Мертон полагает увлеченность предметом исследования, альтруизм и любопытство подлинными мотивами научной работы. В свою очередь, *организованный скептицизм (organized skepticism)* подчеркивает роль критической установки, требующей учета всего многообразия фактов, констатация которых только и обеспечивает вынесение окончательного решения об истине научного суждения. Как в методах, так и в институциональной защите исследований требовалось гарантировать, что окончательное суждение будет вынесено только тогда, когда будут доступны все необходимые факты.

Мертоновские принципы научного этоса опирались на общую идею демаркации, различения внутринаучных факторов, определяющих характер исследования

³ Статья называлась «Наука и технология при демократическом устройстве общества», а позже была включена в качестве отдельной главы в книгу «Социальная теория и социальная структура».

и автономную логику развития научного знания, и внешних (внеаучных) факторов, безусловно, детерминирующих науку, но не являющихся «рациональными» с точки зрения самих ученых. *Внешние* (прежде всего экономические и политические) факторы требовали научной разработки тех или иных социально значимых научных тематик, интерес к которым проявляли сопредельные социальные системы — политика и хозяйство. От ученых требовали открытия и получения новых видов энергии, новых лекарств, материалов с заданными свойствами, новых продуктов питания, и не в последнюю очередь — новых вооружений. Однако обращение к этим исследовательским задачам напрямую не вытекает из автономной логики развития науки. Отсюда проистекает различие между «внутренней историей науки» и ее «внешней историей», которое получило распространение в послевоенной философии науки (И. Лакатос, Л. Лаудан и др.). Соответственно, критерии научной рациональности (наблюдаемости, проверяемости, обоснованности, опытный характер, использование проверенных методов, универсальная воспроизводимость результатов, доказательность, экономичность) применяются к эпизодам внутренней истории науки, а внешнюю историю науки должны объяснять социологи науки. Ведь внутренняя история науки может быть понята и «рационально реконструирована» на основании указанных выше критериев, так как они являются основанием (причинными объяснениями) для отбора учеными лучших из возможных научных теорий, причинами их убежденности в истинности своих суждений. Напротив, ошибки, заблуждения и в целом ложный характер научных высказываний получали отдельное, внеаучное объяснение. Их причины усматривались во внешних политических или экономических воздействиях на науку⁴.

Общим местом философии науки было представление, что наука следует «внутренней логике развития», не требующей каузального, причинного анализа убеждений и суждений ученых. Ведь их полагания определяются как бы самим предметом исследований, структура которого и заставляет ученого высказываться о предмете именно так (истинным образом), а не иначе. У истинности суждений и соответствующих убеждений ученых в этом смысле отсутствуют *внешние*, социальные причины. Наука (как множество истинных суждений) такова, какова она есть, независимо от социальных воздействий. Это соображение объединяло философов науки, использовавших дихотомию *экстернализма/интернализма* как ассиметричное различие, где *только* ложные суждения получали каузальное, внешнее, социально определяемое объяснение, а истинные утверждения получали статус самообъяснимых.

Эта ассиметричность в дихотомии *экстернализма/интернализма* оказалась под огнем критики ряда ученых Эдинбургского университета. Дэвид Блур, Стивен Шейпин и Барри Барнс сформулировали *сильную программу* объяснения истории науки, противопоставив ее *слабой программе*, имея в виду прежде всего концепцию Р. Мертона. В основе сильной программы лежит директивный принцип: интерпретатор науки старается раскрыть причины убеждений ученых, привлекая

⁴ Например, «лысенковщина» как кампания, направленная на развитие антидарвиновских подходов в биологии, которая носила политико-идеологический характер и, соответственно, была формой внешнесоциального давления на систему науки. Подобные примеры демонстрируют ограничение перечисленных ранее внутринаучных стандартов рациональности.

одни и те же типы причин для объяснения как рациональных (истинных, успешных) убеждений, так и иррациональных (ложных, неудачных) полаганий. Например, в рамках данной программы теория термодинамики полагалась причинным следствием «влияния практического развития технологий использования водных потоков». Но можно привести менее сложные и более тривиальные примеры. Так, истинные результаты математических действий, допустим деления, есть отражения распределения произведенных общественных продуктов; результаты действия вычитания есть следствие их потребления, а результаты сложения — следствие их аккумуляции и хранения; результат умножения, в свою очередь, проистекает из процедуры выращивания сельскохозяйственных культур как умножение посаженных семян. В целом способности ученых проводить классификации природных объектов, давать родовые и видовые определения полагались следствием социальных классификаций людей и сообществ (концепция Э. Дюркгейма).

Как бы в противовес четырем принципам слабой программы Дэвид Блур формулирует четыре принципа сильной программы — принципы *каузальности, беспристрастности, симметричности, рефлексивности* [Блур, 2002: 166]:

1. Социология знания должна быть *каузальной*, то есть выявлять причины тех или иных состояний сознания ученых, их научные представления и убеждения. При этом следует различать социальные и отличные от социальных типы причин, которые, в свою очередь, обуславливают убеждения ученых.

2. Социология знания *беспристрастна* в решении вопроса *истинности/ложности, рационального/иррационального*, научных достижений и фиаско. Каждая сторона означенных дистинкций объясняется каузално — через выявление соответствующих причин.

3. Форма объяснения должна быть *симметричной*. Типы причин, объясняющих формирование как истинных, так и ложных убеждений ученых, должны быть идентичными.

4. Социология знания имеет *рефлексивный* характер. Это означает, что и к убеждениям социологов науки следует применять каузальные типы объяснения их ложности или истинности.

Цель сильной программы — каузальный анализ, объясняющий развитие как «внутренней», так и «внешней» истории науки. Представители сильной программы (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин) считают, что причины всякого убеждения и соответствующих высказываний следует искать во влияниях со стороны тех или иных социальных структур (как это демонстрировалось нами ранее на примере теории термодинамики). Критики же указывают на то, что среди причин формирования убеждений ученых главную роль играет не социальное давление, а сама структурность познаваемого объекта. Научная реконструкция учеными структуры природных объектов в том виде, как они существуют, в основной массе случаев перевешивает социальное давление на ученого, даже если оно имеет место. Ссылка на социальное давление в какой-то мере объясняет выбор в пользу той или иной теории в рамках конкурирующих парадигм в специфических обстоятельствах. Однако факт создания самой теории лучше объясняется ссылкой на структуру «вида природы» (атома, гена, химического вещества и т. д.), чем на внешненаучный социальный прессинг. Так, Ларри Лаудан, как один из последовательных оппонентов

сильной программы, указывает на то, что успех научных теорий должен объясняться исключительно их эмпирической адекватностью, а не социальными фактами, имеющими внешнее отношение к теории [Laudan, 1984]. Аналогичная позиция, отстаивающая приоритет «внутритеоретических», методологических факторов перед социальными, свойственна представителям постпозитивистского направления философии науки, стремившегося сохранить автономию научной рациональности от социологического редукционизма.

Оформление системно-коммуникативного взгляда на науку: социология Никласа Лумана

Социальная эпистемология (в обеих версиях — слабой и сильной программы) выявила ряд ограничений классической эпистемологической традиции. Оба направления акцентируют исследовательское внимание на проблеме генезиса и предпосылок формирования научного знания.

Однако если классическая эпистемология трактовала знание узко, сводя его к стандартной дефиниции *истинного и обоснованного убеждения*, и рассматривала в качестве его источника когнитивные характеристики субъекта познания — чувственный опыт, сенсорные возможности, работу с информацией, способности к логическим выводам, — то социальная эпистемология в вариациях слабой и сильной программ расширенно интерпретирует источники знания, исследует процессы трансляции знания в социуме, выявляет социальные условия принятия знания обществом и связи знания и коллективных действий, а также параметры распространения знания как внутри профессионального научного сообщества, так и за его пределами.

Указанные выше позиции социальной эпистемологии в современности получили свое теоретическое развитие в системно-коммуникативной теории философии науки на базе социологического подхода Никласа Лумана. Системно-коммуникативная теория (далее СКТ) претендует на преодоление фрагментарности теории познания и философии науки, поскольку рассматривает науку как часть общественной коммуникации с позиции общей социальной теории, опирающейся на потенциал сравнения науки с другими общественными подсистемами (политической, экономической, системой религиозных убеждений и практик, искусства и др.) [Луман, 2016]. Подобное сравнение производилось ранее — выше мы описывали эти идеи у М. Вебера и Р. Мертон, однако исключительно в апофатическом ключе (чем наука не является, какими свойствами не обладает, что отличает научное знание и коммуникацию от ненаучных). Цель исследования науки в СКТ как раз наоборот предполагает выделение универсальных характеристик научной коммуникации, которые объединяют систему науки с остальными типами коммуникации в социуме.

Методологическая «оптика» СКТ дает возможность рассматривать любую систему коммуникации как набор специфических операций, составляющих своеобразие подсистемы. На примере экономики такими оперативными связками будут сделки и платежи, в политике — совокупность обязательных решений, направленных на группы и коллективы людей. Важно отметить, что успешная коммуникация — скорее *невероятное событие* (например, высока вероятность отка-

за от научной гипотезы или нарушения коллективной директивы в политической сфере). Этот факт продуцирует необходимость системной компенсации отклоненных запросов на коммуникацию, которая реализуется посредством бинарного кода (истина — ложь, власть — безвластие и т. д.). Как это работает?

Единичные системные операции соотносятся в единую структуру неслучайным образом, они подсоединяются друг к другу, их взаимосвязь упорядочена селекцией, суть которой состоит в механизме отбора позитивно значимых актов, решений, действий в рамках заданной бинарной оппозиции. Так, властные решения (*власть как бинарный код в политической подсистеме общественной коммуникации*) будут подвергаться селекции с позиции значимого для государства, того, что укрепляет и масштабирует политическую власть, вместо того, что может приводить к утрате политического влияния. В системе хозяйства коммуникация выстраивается согласно бинарному коду *денег*, таким образом, операции системы проводятся на базе различения платежеспособности и неплатежеспособности, их цель — максимизация прибыли, что соответствует нацеленности политической коммуникации на масштабирование и максимизацию власти. Система отклоняет все, что противоречит этой цели.

Как указывалось выше, системная теория позволяет рассматривать и научную коммуникацию, вписывая в обширный контекст коммуникации в обществе. В случае научной коммуникации бинарным кодом будет *«истина — ложь»*, то есть цель научной коммуникации — интегрировать суждения в рамках функционирования системы науки с позиции ориентации на научную истину.

Специфика научного знания в системе общественной коммуникации.

Постановка вопроса об истине

Научное знание — итог процесса обсуждения, но по своей сущности совершенно не похоже на внешний мир, обсуждение которого происходит и который представляется «отраженным» в восприятии сознания. Эта инаковость выражена в самой материальной форме коммуникации (звуках в устной коммуникации, текстах в письменной). Выходит, мы можем регистрировать две перспективы наблюдения (то есть *производства*) знания — с позиции рецепции сознанием и с позиции осуществления коммуникативного процесса (обсуждения). Выходя за границы системы психики (ментальных актов, обладающих определенной последовательностью) и системы коммуникации (коммуникативных актов, обладающих последовательностью сообщений), знание получает самостоятельную идентичность, собственную объективность.

Мы обозначили, как научная (и любая другая) коммуникация связана с сознаниями (психическими системами), переживающими внешний по отношению к ним мир. Однако подсистема научной коммуникации связана и с другими подсистемами, то есть возможно провести аналогии в архитектонике подсистем коммуникации, которые обособлялись наряду с наукой в ходе нарастания эволюционной сложности общества. Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает сравнение научной и политической систем коммуникации, поскольку они в отношении друг друга образуют противоположные позиции. Так, политическая коммуникация представляет собой связку *действий с действиями*. Символический инстру-

мент политической коммуникации — *власть* — скрепляет последовательность действий акторов друг с другом, и это объясняет долговременность цепочки событий в отношении социально обязательной и коллективно исполняемой цели, которая требует больших затрат и предстает скорее невероятной для наблюдателя (например, сложные постройки, требующие огромных коллективных усилий, — пирамиды, храмовые комплексы, ирригационные системы и т. д.). Символическим инструментом (медиа) научной коммуникации, как отмечалось ранее, выступает *истина*. Смыслы же научных (познавательных) достижений состоят в *сцеплении переживаний с переживаниями, восприятий с восприятиями*, поскольку именно такая связка позволяет удостовериться в воспроизведенных опытах, экспериментах, как итог — научных утверждениях, в их взаимной доказательности.

В СКТ истина выступает в качестве инструмента, использующегося для бинарного кодирования *невероятных* предложений смысла (истина, наряду с ложью, одна из сторон этого кода). Невероятными предложения смысла являются, поскольку обладают серьезной сложностью для восприятия или, например, могут не укладываться в существующие научные представления, общепринятые парадигмы (как положения квантовой механики или гелиоцентрическая модель Николая Коперника). Под кодированием понимается форма операций, распределяющих предложения по смыслу и значению на два противоположных конца кода «истина — ложь», что обеспечивает дальнейшие связи и самовоспроизводимость системы коммуникации. Этот структурный механизм свойственен любой коммуникативной системе, не только научной. Проясим, что суждения языка, конечно, могут быть истинными и ложными — допустим, суждение о дожде («идет дождь»), которое часто используется для демонстрации простого высказывания в логике, может получить свое подтверждение истинности, если погода действительно дождлива. Однако истина как системно воспроизводимый код, ориентированный на постоянное осуществление коммуникативного отбора, а значит, продолжения коммуникации, появляется вместе с дифференциацией собственной подсистемы научной коммуникации. И этот особенный системно-коммуникативный смысл истины возможен потому, что устойчиво воспроизводится пул требований, которые предъявляются к научному знанию и коммуникации в науке, причем эти требования, как и продолжение коммуникации, о котором мы писали ранее, также носят в каком-то смысле невероятный характер в связи с невероятностью силы побудительной причины к рутинному научному поиску — постоянно повторяющейся экспериментальной работе, зачастую с отрицательным результатом, работе с огромным количеством сложных текстов, к поиску информации.

Истина выступает в роли индекса научного знания, то есть легитимирует и упорядочивает запросы с предложением коммуникации по итогам какого-либо научного исследования. Функция признания знания, закрепленная за истиной, связана с тем, что истинная оценка *нового знания* рассматривается социально положительно, а следовательно, требует демаркации такого знания. Другие варианты знания (например, уже известное, художественное, религиозное, ненаучное) не требуют распределения по негативным и позитивным значениям. Так, художественное знание может оцениваться по многомерной шкале (оригинальность, выразительность, красота), а не в соответствии с дихотомией «истина — ложь»;

религиозное знание опирается на веру и авторитет традиции, где ключевое различие — «сакральное — профанное» или «правоверие — ересь» и т. д. Таким образом, эти варианты познания не требуют обязательной сортировки по позитивному и негативному полюсам «истины — лжи», поскольку функционируют, опираясь на иные системы различения.

Асимметричный характер различения истины и лжи восходит к античной оппозиции: с одной стороны, требованию истинного (несокрытого) знания как спасения от забвения (*aletheia*), с другой — социального запрета на ложь (*pseudos*) [Хайдеггер, 1991, 2009]. Дэвид Блур и Барри Барнс проблематизируют указанную оппозицию. Ранее в соответствующем параграфе мы обозначали пункты сильной программы социологии знания. В третьем пункте говорится о *симметричной форме объяснения*, то есть фактически предлагается преодоление разделения сторон истины и лжи и демонстрируется, что истинность так же конструируема, как и ложь. Однако СКТ обосновывает, что приведенная выше асимметрия все же имеет под собой основания, поскольку указывает на ключевое различие, не позволяющее полностью приравнять истину и ложь. Этим различием выступают действия (*сообщения*) и переживания (*восприятия, воображения, желания, убеждения*) [Антоновский, Погожина, 2023]. На действия налагается императивный запрет (не лги), тогда как переживания составляют суть требования к когнитивному запрету на забвение. Таким образом, ложность *социально обусловлена* не только в трюистическом смысле в силу разности социального интереса, наличия предрассудков, специфики языка, но и концептуально — потому что именно *ложь соразмерна сообщению* (действию). Истина, в свою очередь, находит свое выражение в сообщении, однако воспринимается сугубо сознанием. Эти данные восприятия в усеченной форме в дальнейшем фиксируются в коммуникативном сообщении, что позволяет говорить о том, что истинность не определена характеристиками действий (то есть сообщений), а значит, и различными фабрикациями и манипуляциями.

Как функционирует истина в системно-коммуникативной теории?

Теперь подробнее остановимся на том, как именно функционирует истина в системе научной коммуникации. Мы указывали выше, что истина представляет собой *бинарный код операций и программу распределения значений кода*. Эти формулировки могут выглядеть достаточно абстрактно, поэтому Никлас Луман проясняет функциональное значение истины для системы коммуникации в науке (или в других системах коммуникации — денег, власти и т. д.), используя концепцию посредника (медиа) восприятия, сформулированную Фрицем Хайдером [Heider, 2005]. Проводится аналогия между посреднической (медиальной) ролью воздуха и света для осуществления чувственного восприятия, использования зрительных и слуховых возможностей и инструментальной, посреднической ролью медиумов коммуникативных систем, в частности истины. Если продолжать эту аналогию, то истина, как и воздух, и свет, «невидимы» наблюдателю, но выступают в качестве инструмента для наблюдения доступных форм недоступного медиа. «Наложенные на самих себя формы» медиа делают их частично наблюдаемыми (например, свет как цветовой спектр, доступный восприятию, воздух как ветер). Подобный абстрактный образ для истины будет означать, что как медиа в системе научной

коммуникации истина фиксирует то или иное знание, но сама по себе (как воздух и свет) не регистрируется (ускользает) прямым наблюдением. Например, ученый, занятый практической рутинной деятельностью, вряд ли будет регулярно проблематизировать само понятие научной истины и ее роль в системе коммуникации.

Во всех социальных системах медиумы коммуникации выполняют функции символизации и генерализации. Для подсистемы науки эти функции выполняет истина, присоединяя структурные элементы системы и обобщая вариации инклюзии в коммуникативную подсистему, поскольку знание, удостоверенное в своей общезначимости и истинности «собирает» вокруг себя научные коллективы. Однако медиум коммуникации (и истина не исключение) выполняет также обратную функцию обособления системы, регулятором которой он выступает. Выходит, что медиуму истины присуща, как и медиумам других систем, двоякая функция — с одной стороны, «сбирания» достоверного знания и интеграции научной системы коммуникации в общественную коммуникацию посредством использования научного знания обществом (символическую функцию (*sym-bol*)), а с другой — обособления («диаволическую» функцию (*dia-bol*)), которое неминуемо возникает в связи с возрастанием количества ложных суждений и объемов неизвестного и, как следствие, ограниченности и недостаточности наблюдателя в сравнении с высококомплексным наблюдаемым системным единством.

Из вышесказанного очевидно, что в СКТ Н. Луман отвергает так называемую корреспондентскую теорию истины, утверждающую прямую корреляцию суждений и внешнего мира. Внешний мир не является достаточным гарантом истинности суждений, поскольку требуется поиск оснований истинности вне подсистемы коммуникации (в каких-то случаях это может казаться адекватным, а в каких-то — совершенно неочевидным и слишком сильным допущением, например применительно к математическим суждениям). Также корреспондентская теория не подходит для прояснения системной роли ложных суждений и их количественного превосходства «на пути» к истинному знанию.

Мы писали ранее о схожести посреднической природы истины с другими медиа (власти, денег, любви, веры, права и т. д.). Нужно отметить, что истина так же *невероятна* и по своему генезису, как они. Истина способна *инфляционировать* и *дефляционировать*, то есть приобретать или утрачивать в своем значении с точки зрения наблюдателей истины из других систем. Она столь же абстрактна, как и другие медиа, и поэтому вынуждена опираться на телесно-материальные механизмы удостоверения своей значимости, то есть способна образовывать некие *симбиотические* механизмы, использовать телесные свойства организма (прежде всего его способности восприятия) для контроля процесса распределения истинностных значений в случае сомнений в истине. Невероятность генезиса медиума истины выражена прежде всего в том, что тот, кто предлагает новые истины, все-таки не рассматривается как лжец или фальсификатор, хотя он и подрывает прошлое, а значит, надежное и удостоверенное знание, сомневается в фундаментальных основаниях научного консенсуса.

Общность научной системы с другими подсистемами общественной коммуникации также отражена в том, что все коммуникативные системы сталкиваются с рассогласованностью между *функцией отбора* лучшего из возможных предло-

жений смысла, интеграцией данной системы и отклонением всего, что к системе не относится (экономических, политических, религиозных запросов на контакт), с одной стороны, и функцией социальных медиа по установлению социального консенсуса — с другой. Дилемма «консенсус — конфликт» в науке расцепляется с дилеммой «истина — ложь», что принуждает отказываться от деятельностного понимания истины. Отклонение ложного предложения теперь не должно рассматриваться как «произвольно-целевой» акт, как свободное действие; такое утверждение истины и отклонение прежней ложной позиции отныне стилизовано под «вынужденное» решение на основе объективности и интересубъективности восприятия, с которым вынуждены согласиться оппоненты. Как следствие, эти расцепления обеих дилемм («истина — ложь» и «консенсус — конфликт») умножают вариации: конфликт (или полемика) может организовываться и вокруг ложности, и вокруг истинности, и ни то ни другое не гарантирует согласия.

Стоит обратить внимание на критику системно-коммуникативного подхода Н. Лумана, последовательно развиваемую Ю. Хабермасом и касающуюся как самой методологии СКТ, так и понимания научной коммуникации. В методологическом плане можно выделить два противоречия. Во-первых, несмотря на апелляцию к эмпирической реальности, теория избегает прямой фальсификации, трактуя причинность не как объективную закономерность, а как «атрибуцию причин» конкретному наблюдателю. Следовательно, противоречащие факты не опровергают теорию, а лишь указывают на частную позицию наблюдателя. Во-вторых, это проявляется в концепции конечности систем: система существует, лишь пока длится ее аутопоэзис, а прекращение коммуникации означает ее «смерть», что делает границы системы абсолютными и неподверженными внешнему отрицанию [Habermas, Luhmann, 1971]. Ю. Хабермас упрекал СКТ в технократизме и антигуманизме. По его мнению, СКТ лишь фиксирует наличное состояние социальных протоколов, не оставляя пространства для их критики, нравственного диалога [Habermas, 1973]. В противовес сам Ю. Хабермас рассматривает науку как часть публичной сферы, где знание неотделимо от ценностных оснований (технического, практического и эмансипаторного интересов) [Habermas, 1970]. Его концепция коммуникативного действия подчеркивает необходимость рационального диалога между наукой, политикой и обществом, преодолевая сведение научной коммуникации лишь к профессиональному информационному обмену. Таким образом, фокус смещается на внешнюю научную коммуникацию — взаимодействие науки с другими социальными системами и формирование ее образа в общественном сознании. Для целей нашего исследования — выработки синтетического понятия науки, которое позволило бы вписать ее в систему общественных отношений, сохранив при этом представление о ее специфике, — методологический аппарат СКТ представляется более эвристичным, чем подход Ю. Хабермаса. Если теория коммуникативного действия предлагает нормативную модель того, как *должен* строиться диалог между наукой и обществом, то СКТ позволяет описать, как этот диалог *фактически функционирует*, фиксируя механизмы перевода внешних запросов на внутренний код системы науки. Именно операционализация понятий «бинарный код», «медиум коммуникации» и «наблюдение второго порядка» дает нам инструментарий для анализа реальных процессов трансформации научной коммуникации.

«Наблюдая наблюдения» в системе научной коммуникации

Ранее мы ставили вопрос об определении науки с позиции более общей социальной теории. В СКТ обобщенное (родовое) понятие науки можно обозначить следующим образом: наука — это коммуникативная система общества, которая представляет собой внутренне закрытую последовательность сообщений (действий), ранжированных сообразно смыслу и значению в рамках бинарного кода «истина — ложь». Безусловно, научная коммуникация состоит из сообщений (то есть действий), но смысл сообщений определяется *переживанием* (восприятием) внешнего мира (реальности). И это важное замечание, поскольку наука, согласно общим структурным параметрам коммуникативных систем, закрыта, но восприятие ею внешней внесистемной реальности позволяет демонстрировать свойства *открытой системы*.

Известно, что в СКТ различаются уровни наблюдения. Раскроем подробнее перспективы наблюдения для системы научной коммуникации. Наблюдение первого порядка будет производить первичный наблюдатель — практикующий ученый, который не проводит различие между собственным знанием фактов о мире и миром, то есть происходит совпадение наблюдательных оптик знания ученого и познаваемого им мира, что приводит к фиксации истинного знания как коррелята мира. Наблюдение второго порядка вносит коррективы. Так, базирываясь на этой позиции, можно заключить, что мир (все то, что фиксируется «на самом деле») не равен знанию о нем. Допустим, в знании о мире фигурируют такие переменные, которые не соотносятся с миром, а также не все знание является *истинным*. Выходит, что наблюдение можно означить как минимум тремя формами умозаключений, в которых добавляется наблюдательная перспектива: 1) «нечто есть»; 2) «я знаю, что нечто есть»; 3) «я знаю, что истинно, что нечто есть».

В науке указанное наблюдение второго порядка реализуется не единожды. Можно привести как минимум два таких случая. Во-первых, разные исследовательские группы, ученые наблюдают одно и то же, но также наблюдают наблюдения друг друга, чтобы удостовериться научные результаты. Во-вторых, отделяется особая подсистема, которая наблюдает науку, рефлексивирует над оценкой научных теорий и коммуникаций как таковых (например, такое место наблюдателя занимают эпистемология, теория познания, социология и история науки, философия науки).

Науку можно наблюдать и внешне-системно, то есть силами других систем общественной коммуникации (с позиции политики, экономики, церкви, массмедиа), но это наблюдение ограничено системной сложностью науки, высокой степенью уникальной профессиональной компетенции, необходимой для интерпретации научного результата и оценки коммуникативной специфики науки, поэтому в науке возникают «внутренние институты» для оценки научной теории.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сделать ряд выводов относительно эволюции взглядов на общественную функцию науки и обосновать эвристический потенциал системно-коммуникативного подхода для решения задачи выработки синтетического понятия науки.

Реконструкция ключевых этапов социального исследования науки показывает последовательное углубление представлений об автономии научного познания и его связи с обществом. М. Вебер заложил основы понимания науки как профессиональной деятельности, обособленной от ценностных суждений, но при этом встроенной в капиталистическую организацию труда. Р. Мертон развил эту линию, кодифицировав институциональные нормы научного этоса, призванные защитить науку от внешних (политических, экономических) вторжений. «Сильная программа» Д. Блура и его коллег подвергла критике асимметричность классической эпистемологии, потребовав единого каузального объяснения как истинных, так и ложных убеждений, однако столкнулась с риском социологического редуционизма.

Преодоление ограничений как интернализма, так и экстернализма становится возможным в рамках системно-коммуникативной теории Н. Лумана. СКТ позволяет рассматривать науку как аутопойетическую коммуникативную систему, функционирующую на основе бинарного кода «истина — ложь». Это понимание снимает дилемму «внутреннего — внешнего»: внешние социальные воздействия не определяют содержание научных утверждений напрямую, но могут быть «переработаны» системой только при условии их перевода на язык ее собственного кода. Тем самым сохраняется представление о когнитивной автономии науки, которая при этом не мыслится изолированно, а сравнивается с другими подсистемами общества (политикой, экономикой, религией) по единым структурным параметрам.

Эвристическая сила предложенного подхода может быть проиллюстрирована на примере трансформации публикационной активности в современной науке. СКТ интерпретирует научную публикацию как ключевой механизм инклюзии и продолжения коммуникации. Публикация выполняет функцию «предъявления» знания, его селекции и упрощения, превращая сложные исследовательские процессы в форму, способную породить новые коммуникативные связи (цитирование, дискуссию, критику). Наблюдаемый в настоящее время переизбыток научных публикаций, значительная часть которых остается невостребованной, не является дисфункцией, а может быть понята как эволюционная особенность самореференциальных систем, которые производят информацию не только для внешнего потребления, но и для поддержания собственной сложности и готовности к селекции [Stichweh, 2022; Антоновский, Бараш, 2023: 331—347].

Таким образом, системно-коммуникативный подход демонстрирует свою теоретическую силу при обсуждении процессов, разворачивающихся в современной науке, и обладает достаточным универсализмом, позволяющим встроить научную коммуникацию в систему общества, сохранив при этом представление о ее уникальной функции — производстве истины. Предложенная оптика открывает перспективы для дальнейших сравнительных исследований науки с политикой, экономикой и другими подсистемами, отвечая на исследовательский вопрос о возможности получения внутренне непротиворечивого понятия науки как части общественной коммуникации.

Список литературы (References)

1. Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. Введение в системно-коммуникативную философию науки. М.: «Логос»/«Гнозис», 2023.
Antonovsky A. Yu., Barash R. E. (2023) Introduction to System-Communicative Philosophy of Science. Moscow: Logos/Gnosis. (In Russ.)
2. Антоновский А. Ю., Погожина Н. Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34. № 5 С. 7—28. <https://doi.org/10.31857/S023620070028498-4>.
Antonovskiy A., Pogozhina N. (2023) The System-Communicative Theory: Structure, Anomalies, Application. *The Human Being*. Vol. 34. No. 5. P. 7—28. <https://doi.org/10.31857/S023620070028498-4>. (In Russ.)
3. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5—6. С. 162—185.
Blur D. (2002) The Strong Programme in the Sociology of Knowledge. *Logos*. No. 5—6. P. 162—185. (In Russ.)
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
Weber M. (1990) Science as a Vocation. In: Davydov Yu. N., Gaidenko P. P. (eds.) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.
Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. (1991) History and Rationality. The Sociology of M. Weber and the Weberian Renaissance. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
6. Касавин И. Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217—227.
Kasavin I. T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 60. P. 217—227. (In Russ.)
7. Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016.
Luhman N. (2016) Truth, Knowledge, Science as a System. Moscow: Logos. (In Russ.)
8. Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания: к дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки. М.: Наука, 1987.
Mamchur E. A. (1987) Problems of Socio-Cultural Determination of Scientific Knowledge: Towards Discussions in Modern Post-positivist Philosophy of Science. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, 2006.

- Merton R. K. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
10. Мотрошилова Н. В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века // *Социология науки и технологий*. 2010. Т. 1. № 4. С. 45—83.
Motroshilova N. V. (2010) Robert Merton's Formulation of Classical Paradigms in Sociology of Science: Looking Back from the 21st Century. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 1. No. 4. P. 45—83. (In Russ.)
 11. Огурцов А. П. Образы науки в буржуазном общественном сознании // *Философия в современном мире. Философия и наука* / под ред. Л. Н. Митрохина. М.: ИФ РАН, 1972.
Ogurtsov A. P. (1972) Images of Science in Bourgeois Public Consciousness. In: Mitrokhin L. N. (ed.) *Philosophy in the Modern World. Philosophy and Science*. Moscow: IPh RAS. (In Russ.)
 12. Стёпин В. С. *Философия науки. Общие проблемы*. М.: Гардарики, 2006.
Stepin V. S. (2006) *Philosophy of Science: General Issues*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
 13. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991.
Frolov I. T. (ed.) (1991) *Philosophical Dictionary*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 14. Хайдеггер М. О сущности истины / пер. с нем. З. Н. Зайцевой // Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 8—27.
Heidegger M. (1991) On the Essence of Truth. In: Heidegger M. *Country Path Conversations*. Moscow: Higher School. P. 8—27. (In Russ.)
 15. Хайдеггер М. *Парменид*. СПб.: Владимир Даль, 2009.
Heidegger M. (2009) *Parmenides*. Sant Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
 16. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
Kasavin I. T. (ed.) (2009) *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow: Canon+ ROOI Rehabilitation. (In Russ.)
 17. Habermas J. (1973) *Erkenntnis und Interesse. Mit einem neuen Nachwort*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
 18. Habermas J. (1970) *Technology and Science as Ideology*. Boston: Beacon Press.
 19. Habermas J., Luhmann N. (1971) *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet der Systemforschung*, Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
 20. Heider F. (2005) *Ding und Medium*. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
 21. Laudan L. (1984) The Pseudo-Science of Science? In: J. R. Brown (ed.) *Scientific Rationality: The Sociological Turn*. Dordrecht: Springer Netherlands. P. 41—73.
 22. Stichweh R. (2022) Hierarchies and Universal Inclusion in Scientific Communities. In: Forsberg E., Geschwind L., Levander S., Wermke W. (eds.) *Peer Review in an Era of Evaluation*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 37—52. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75263-7_2.